А.В. МОРОХИН

ДОПРОСНЫЕ РЕЧИ СТАРООБРЯДЦЕВ XVIII В. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА НИЖЕГОРОДСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ)

Со времени начала церковного раскола середины XVII в. и последующего распространения старообрядчества одним из самых активных и многонаселённых центров староверия является Нижегородское Заволжье, более известное в старообрядческой среде как Керженец по названию одноимённой реки, в районе которой и возникали тайные старообрядческие поселения – скиты. Труднодоступные лесные пространства Заволжья и слабый церковный контроль способствовали тому, что Керженец становится сосредоточением сторонников старой веры и беглого люда. Важным источником для изучения внутренней жизни старообрядцев являются их допросные речи. Часть этих материалов уже обращала на себя внимание исследователей и была введена в научный оборот ещё историками XIX в., и в частности, Г.В. Есиповым (1). Последний к своим научно-популярным рассказам о старообрядцах, построенным на основе документов из архивов Преображенского приказа и Тайной канцелярии, в качестве приложений опубликовал значительную часть этих материалов. Одновременно с этим нельзя не отметить, что большая часть допросных речей до сих пор не опубликована (и не может быть опубликована по причине огромного объёма делопроизводственных документов) и сосредоточена в различных архивохранилищах страны. При подготовке данной работы нами были использованы допросные речи старообрядцев, хранящиеся в фондах Нижегородской духовной консистории Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО. Ф.570). Комплексно эти материалы

Морохин Алексей Владимирович – к.и.н., Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

не были предметом самостоятельного изучения (2). Допросные речи «раскольников» условно можно разделить на две составляющие. Во-первых, это речи непосредственно староверов – скитников, проживавших в тайных поселениях в Заволжье. Сразу необходимо отметить, что группа этих материалов представлена более широко. Во-вторых, это допросы лиц, обвинявшихся в принадлежности к старообрядчеству, часть из которых во время разбирательств признавалась в справедливости выдвинутых против них обвинений. Допросные речи нижегородских старообрядцев в зависимости от ряда причин (откровенность или скрытность того или иного старовера, степень его осведомлённости, уровень грамотности) отличаются по полноте данных и подробностей. Некоторые из них содержат весьма важные и ценные сведения о внутренней жизни и быте «кержаков».

Из допросных речей следует, что староверы, проживающие в скитах Заволжья, пытались сохранить принцип удалённого нахождения своих тайных поселений, а в ряде случаев пытались свести к минимуму и контакты между собой. Так, Стефан Фёдоров в своих показаниях отмечал, что во время его пребывания на Керженце, где он жил в келье «с восемь лет» вместе с другим старовером Данилом Ивановым, «в недалеком же от них разстоянии в тех лесах в четверть версте жила особою келиею» другая скитница – старица Тарсила, «с коею они нечасто свидание имели» и виделись лишь тогда, «когда ей какая нужда к ним была, а более в той стороне, где они жили, никого не было» (3). Допросные речи скитожителей содержат сведения и о том, что староверы из-за отсутствия «пахотной земли и сенных покосов у себя» в основной массе «кормились работою своею». Так, Осип Копылов, живя в скитах, зарабатывал тем, что «ежегодно ходя по разным местам бьет у крестьян шерсть». Другой скитник, Ларион Мельников, свидетельствовал, что «живучи в оных лесах пропитание имели они таковым промыслом: брали в летнее время в том лесу всякую ягоду и грибы и продавали в Лыскове на торгу хлеб, которой в те кельи на себе и носили, и что они приходили из тех лесов, на том торгу никому не сказывали». Зимой же «мужеск пол плели лапти и женск прял пряжу», которые продавали на том же торгу в Лыскове. Другой старовер-скитник, Степан Фёдоров, сообщал, что «келейные жители» зарабатывали

тем, что «пахали землю мотыгами и высевали в год с лишком по полуосмине и тем кормились». «Келейница» старица Матрёна также «питалась от трудов своих: сеяла копавши землю рожь» (4).

Важные сведения о жизни жителей скитов в 50–60-е годы XVIII в. содержат допросные речи беглого нижегородского семинариста Гаврилы Андреева, который перешёл в указанные годы в «раскол» и затем проживал некоторое время в скиту староверов-поповцев недалеко от д. Корельское. В своих допросных речах Г. Андреев отмечал, что староверы собирались в келье бельца Никифора Кириллова «многократно и сидев по доволному времени толковали о вере христианской разными толки кто что знает, и между тех их толков происходили у них разные споры, в которых по доволному ж их спору между собою бранились и драки чинили... А исповедываются де и причащаются те расколщики погодно, и слышал де он, Гаврила, что для той исповеди отъезжают они в скит толку поповщины под дворцовою деревнею Одинцами в двух верстах к старцу из мужиков Максиму, которой имеется у них за попа и учителем живет в келье с матерью своею весма престарелые, а протчие де для исповеди ж и причастия отъезжают в городы Москву и в заграничныя в Полшу... Да при том же де слышал он, Гаврила, от них, что у них имеются толки показанная поповщина, нетовщина и перекрещиванцы, и те де толки имеются и расколники живут поповщины под деревнями Корелским да под Одинцами, нетовщина и перекрещиванцы в одном месте под деревнею Оленевом починке, в коих толках тех расколников пребывает весма доволное число, что и в одном ските, где он жил, человек со ста и более, а в протчих сколко познать ему, Гавриле, было не можно, и живут в лесах по разным местам в разных кельях человек по десяти и более и менее, х которым де расколникам при нем, Гавриле, приезжали из разных городов обыватели мужеск и женск пол для подаяния милостыни, и во время де того приезда те расколники собравшись в компании и с теми приезжающими толковали ж им о вере по своему расколническому суеверию, и потом де побывши с приезда те податели милостыни дни по два и более отъезжают обратно... Да те ж расколники берут из разных околных мест у крестьян для воспитания из сирот малолетних детей и младенцев и обще с своими обучают расколническому ж суеве-

рию» (5). В эпоху либерализации правительственной политики в отношении «раскола» при Екатерине II в регионе происходит дальнейшая активизация старообрядчества, о чём ярко свидетельствуют допросные речи староверов второй половины XVIII в.

В 1782 г. крестьянин Прокофий Яковлев свидетельствовал на допросе о «скиту называемом Заворониным», в Семеновской округе, который находится «за рекою Волгою в лесу», куда люди идут жить «для угаждения и уединенного жития по старинным книгам» и люди здесь «молятца тем только образам, кои вылиты из меди, и другим образом или иконам, кои писаны из красок отнюдь поклоняютца и в церковь не ходить и святых таин от нынешних священников сподоблятся не велели с тем уверением, что де ныне против старой веры в церквах службы и книги новые утверждают» (6). По признанию другого старовера, Олимпия Иванова, в другом заволжском ските – Бурлаковском – жил монах Пахомий, который перекрещивал приходящих к нему людей «в реке пресной в тех лесах без всякой на сие по церковному обычаю службы, но с одними молитвами символа православныя веры и помилуй мя боже», а в том скиту «живет мужеска и женска полу человек с десеть» (7). Допросные речи староверов содержат сведения и о том, где «раскольники» находили старопечатные книги дониконовской печати. В подавляющем большинстве случаев они признавались, что приобретали эти книги на знаменитой Макарьевской ярмарке. В 1744 г. «записной раскольщик» крестьянин Степан Чичин признался на допросе, что многие «сысканные де в доме ево старопечатные книги покупал он на Макарьевской ярмонке у неведомых разных продавцов в разных давных годех тому болши 20 лет» (8). Крестьянин Дмитрий Кузнецов прямо заявил на допросе, что после того, как в 1771 г. «на Макарьевской ярмонке купил у неведомого человека» старопечатные «псалтырь да каноник ценою за три рубли» и прочитал их, он и решил «удалиться от миру и скитаться по лесам» (9).

Особый интерес представляют объяснения «раскольниками» своей принадлежности к старой вере. Помимо доминирующих традиционных объяснений в связи с тем, что так верили «по научению родителей» и своих духовных отцов – священников старого дониконовского рукоположения, встречаются и весьма

интересные объяснения, свидетельствующие о достаточно высоком уровне грамотности некоторых обвиняемых. Так, «записной раскольник» старец Герасим свою принадлежность к староверию объяснял тем, что «понеже де Сыну Божию было два рождения, первое божеством от отца, а второе плотью от матери» (10). Другой старовер в своей мотивировке двоеперстия привёл на допросе другие аргументы: «святые отцы крестились двоеперстным сложением и чрез онои спаслиса» (11).

Допросные речи нижегородских староверов содержат сведения и об их эсхатологических воззрениях. Так, крестьянин-старовер Фёдор Перфильев свой отказ перейти в официальную церковь мотивировал тем, что «от света во тьму идти не хочет» (12). Другой крестьянин-старовер Дмитрий Фёдоров на убеждения перейти в официальное православие ответил, что «уже святыни ныне в церкви новой нет, что в церковь и затем ходить нельзя, что во оную допущаются ныне бритобородые и табашники» (13). Ямщик Алексей Торенков на допросе в 1781 г. утверждал, что «прежде до Никона церковь Христова была, а после онаго церкви нет и в ней таинств никаких не имеется, к тому ж и образа святыя переписаны по-новому». Примечательно, что А. Торенков во время допроса «при упоминании имени Его Преосвященства (архиепископа Нижегородского. – *А.М.*) объявил, что де ныне преосвященных нет для того, что де ныне подстригают усы», и отказался подписывать протокол допроса «упрямством своим», при этом «поставляя в резон, что де прежде новой год начинался сентября с 1-го а ныне пишется генваря с 1-го числа» (14).

Допросные речи свидетельствуют, что уровень грамотности и осведомлённости большинства нижегородских староверов в XVIII в. оставался достаточно низким, что может быть связано с социальным происхождением большинства «раскольников», происходивших из крестьян. Так, старица Тарсила показала на допросе в 1759 г., что проживая 15 лет в одном из скитов на Керженце, она даже не знала точно, к какому старообрядческому согласию принадлежала, «а слыхала она от наставницы своей, что они толк содержали и ей содержать велели софонтиевщину, а в чем оной толк состоит она не знает» (15). Другой «раскольник», крестьянин д. Коровина Балахонского уезда Тит Макеев признался на следствии в принадлежности к староверию, что

сначала он крестился двумя перстами, затем тремя, потом снова двумя, «а какое в двоеперстии и троеперстии таинство и происхождение, того не знает» (16).

Таким образом, допросные речи нижегородских «раскольников» XVIII в. представляют собой ценный источник по истории формирования старообрядческих общин в регионе на протяжении столетия, содержат сведения о культуре, быте, эсхатологических воззрениях староверов. Всё это позволяет считать допросные речи староверов незаменимым историческим источником при изучении истории старообрядчества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Есипов Г.В. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и тайной розыскных дел канцелярии. Т.1–2. СПб., 1861–1863.

2. Следует отметить, что некоторые выборочные допросные речи «раскольников» из Нижегородского консисторского архива были использованы архимандритом Макарием (Миролюбовым) при подготовке в 40–начале 50-х годов XIX в. «Истории нижегородской иерархии». См.: Макарий (Миролюбов), архимандрит. Памятники церковных древностей. Н. Новгород, 1999. С.52. Примеч.2.

3. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф.570 Оп.554. Д.24 (1759 г.) Л.4.

4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.288. Оп.1. Ед.хр. 187 Л.1–1об.; ЦАНО Ф.570. Оп.553. Д.28 (1746 г.). Л.30об., 33об.–34, 37об.; Оп.554. Д.24 (1759 г.). Л.4, 13.

5. ЦАНО Ф.570 Оп.554. Д.11 (1760 г.) Л.2об.–5об.

6. Там же. Оп.555. Д.15. (1782 г.). Л.2.

7. Там же. Д.17 (1782 г.). Л.4–4об.

8. Там же. Оп.553. Д.31 (1744 г.). Л.2об.

9. Там же. Оп.555. Д.17. (1776 г.). Л.8.

10. Там же. Оп.553. Д.31. (1744 г.). Л.5об.

11. Там же. Оп.554. Д.24. (1759 г.). Л.11.

12. Там же. Оп.553. Д.44 (1747 г.). Л.16.

13. Там же. Оп.555. Д.17. (1776 г.). Л.2.

14. Там же. Д.12. (1781 г.). Л.8–10.

15. Там же. Ф.570. Оп.554. Д.24. (1759 г.). Л.11об.

16. Там же. Д.45. (1763 г.). Л.1–1об.